ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

Темирова Эъзоза Ғайбулло қизи
Учитель 298 школы

Аннотация. В работе рассматривается проблема интерпретации художественного текста в современной теории литературы. Прослеживается эволюция взглядов на источник смысла: от философской герменевтики (Х.-Г. Гадамер, П. Рикёр) через «новую критику», структурализм и постструктурализм к рецептивной эстетике и теории интерпретирующих сообществ. Особое внимание уделено соотношению трёх интенций (автора, текста и читателя) в концепции У. Эко и диалогической модели понимания М. М. Бахтина. Делается вывод об отсутствии единой интерпретационной парадигмы и предлагаются критерии научной валидности толкования: опора на текст, учёт контекста, рефлексивность и продуктивность.

Ключевые слова: интерпретация, художественный текст, герменевтика, рецептивная эстетика, интенция автора, интенция текста, интерпретирующее сообщество, диалогичность.

THE PROBLEM OF INTERPRETATION OF A LITERARY TEXT IN MODERN LITERARY THEORY

Annotation. The paper considers the problem of interpretation of a literary text in the modern theory of literature. The evolution of views on the source of meaning is traced: from philosophical hermeneutics (H.-G. Gadamer, P. Ricoeur) through "new criticism", structuralism and poststructuralism to receptive aesthetics and the theory of interpretive communities. Special attention is paid to the correlation of the three intentions (author, text, and reader) in the concept of M. M. Bakhtin's Eco- and dialogical model of understanding. It is concluded that there is no single interpretative paradigm and suggests criteria for the scientific validity of interpretation: reliance on text, consideration of context, reflexivity and productivity.

Keywords: interpretation, artistic text, hermeneutics, receptive aesthetics, author's intention, text intention, interpretive community, dialogic.

Проблема интерпретации художественного текста относится к числу фундаментальных вопросов литературоведения, поскольку в ней сходятся онтология литературного произведения, теория понимания и практика научного анализа. Всякое суждение о произведении, будь то школьный разбор, филологическая статья или диссертационное исследование, предполагает определённый ответ на вопрос о том, где находится смысл текста, кто и на каком основании вправе его устанавливать и существуют ли критерии, позволяющие отличить убедительное прочтение от произвольного. Актуальность темы обусловлена тем, что на протяжении XX века литературная теория последовательно смещала акцент с автора на текст, а затем с текста на читателя, и в результате сегодня исследователь вынужден работать в ситуации методологического плюрализма, где сосуществуют взаимно оспаривающие друг друга подходы. Цель настоящей работы состоит в том, чтобы выявить ключевые линии в понимании интерпретации в современной теории литературы и обозначить возможные основания для её научной валидности.

Теоретическим фундаментом современных представлений об интерпретации стала философская герменевтика. Преодолевая традицию, видевшую в понимании реконструкцию

© 2026 London International Monthly Conference on Multidisciplinary Research and Innovation. All Rights Reserved.

авторского замысла, Х.-Г. Гадамер показал, что понимание представляет собой не метод, а способ бытия человека в мире: интерпретатор всегда включён в историю, обладает собственным горизонтом и приходит к тексту с предпониманием, которое не устраняется, а проясняется в самом акте чтения. Смысл произведения, по Гадамеру, возникает как «слияние горизонтов» текста и толкователя, а потому не может быть окончательно зафиксирован раз и навсегда [1]. Эту идею развил П. Рикёр, подчеркнувший, что письменный текст обретает автономию от автора, от первоначальной ситуации и от первого адресата, а предметом интерпретации становится не психология создателя, а «мир текста», то есть возможный способ бытия, который произведение предлагает читателю. Одновременно Рикёр обозначил внутреннюю конфликтность самой интерпретационной деятельности, противопоставив герменевтику доверия, стремящуюся восстановить смысл, и герменевтику подозрения, разоблачающую скрытые, неосознаваемые мотивы текста и культуры [2]. Таким образом, уже на философском уровне интерпретация оказывается не единым алгоритмом, а полем конкурирующих стратегий.

Параллельно в литературоведении формировалась линия, отвергавшая биографический и психологический редукционизм. Американская «новая критика» в работе У. Уимсатта и М. Бердсли об «интенциональной ошибке» доказывала, что замысел автора недоступен для проверки и не является ни необходимым, ни достаточным критерием оценки и толкования произведения [3]. Русский формализм и особенно структурно-семиотическая школа, представленная Ю. М. Лотманом, рассматривали художественный текст как сложно организованную смысловую структуру, в которой значение рождается из взаимодействия многих кодов и из напряжения между нормой и её нарушением. Для Лотмана текст является не пассивным носителем готового сообщения, а «мыслящим устройством», способным порождать новые смыслы при встрече с новым контекстом, и потому интерпретация неизбежно множественна, хотя и ограничена структурой самого текста [4]. Радикальное развитие эта тенденция получила в постструктурализме. Р. Барт, провозгласив «смерть автора», перенёс центр тяжести на читателя, в сознании которого текст как «ткань цитат» только и обретает единство [5]. Ж. Деррида, исходя из принципа différance, утверждал, что значение в тексте постоянно откладывается и никогда не достигает окончательной полноты, а потому любое прочтение является лишь моментом бесконечной игры означающих [6]. В этой логике интерпретация перестаёт быть поиском смысла и превращается в практику его производства, что обостряет вопрос о границах допустимого.

Важнейший вклад в осмысление роли читателя внесла рецептивная эстетика Констанцской школы. Х. Р. Яусс ввёл понятие «горизонта ожиданий» – исторически изменчивой совокупности литературных норм, жизненного опыта и представлений аудитории, на фоне которых произведение оценивается и понимается, и показал, что история литературы есть прежде всего история её восприятия, в ходе которой текст раскрывает новые смысловые возможности [7]. В. Изер, в свою очередь, описал процесс чтения как взаимодействие текста и читателя: текст содержит «места неопределённости» и программирует образ «имплицитного читателя», однако конкретный смысл актуализируется лишь в акте чтения, в котором читатель достраивает недосказанное [8]. Важно, что у Изера активность читателя не безгранична, поскольку она направляется структурой самого произведения. Тем самым рецептивная эстетика предложила компромиссную модель, в которой смысл возникает «между» текстом и читателем.

Наиболее отчётливо проблему границ интерпретации сформулировал У. Эко. В работе «Открытое произведение» он описал художественный текст как форму, допускающую множество прочтений, но подчеркнул, что «открытость» не тождественна произвольности и является

© 2026 London International Monthly Conference on Multidisciplinary Research and Innovation. All Rights Reserved.

результатом специфической организации самого произведения [9]. Позднее, полемизируя с радикальными версиями деконструкции, Эко ввёл различение трёх интенций: намерения автора (intentio auctoris), намерения читателя (intentio lectoris) и намерения текста (intentio operis). Именно последняя, по его мнению, должна служить критерием проверки: гипотеза о смысле принимается, если она подтверждается связностью текста как целого, и отвергается, если текст ей сопротивляется. Различая «использование» текста в собственных целях и его подлинную «интерпретацию», Эко предостерёг от «сверхинтерпретации», при которой теоретическая схема заслоняет материал произведения [10]. Иную, более релятивистскую позицию занял С. Фиш, согласно которому смысл не заключён ни в тексте, ни в индивидуальном читателе, а определяется конвенциями «интерпретирующих сообществ», то есть групп читателей, разделяющих сходные стратегии чтения [11]. Эта концепция объясняет устойчивость интерпретационных традиций и их историческую изменчивость, но оставляет открытым вопрос о возможности рационального выбора между сообществами. На противоположном полюсе находится позиция С. Сонтаг, выступившей против редукции искусства к пересказываемому «содержанию» и призвавшей к «эротике искусства» вместо герменевтики, что отражает усталость от чрезмерной теоретизации чтения [12].

Отдельного внимания заслуживает диалогическая концепция понимания, разработанная М. М. Бахтиным и особенно созвучная современным поискам. Для Бахтина понимание не сводится ни к пассивному восприятию, ни к произвольному проецированию собственных смыслов: оно представляет собой диалог, в котором интерпретатор, оставаясь «вненаходимым» по отношению к тексту, задаёт ему вопросы и получает ответы, раскрывающие ранее скрытые смысловые глубины. Смысл, согласно Бахтину, не существует изолированно, но живёт на границе двух сознаний и раскрывается полнее при встрече с чужой культурой, причём ни один смысл не является ни абсолютно окончательным, ни абсолютно мёртвым [13]. Диалогическая модель позволяет примирить два требования, казавшиеся несовместимыми: признание исторической множественности прочтений и требование ответственности перед текстом. Она особенно продуктивна для анализа национальных литератур, где интерпретатору необходимо учитывать специфический культурный код, мифопоэтическую традицию и историческую память, лежащие в основе произведения, и одновременно осознавать собственную культурную позицию.

Сопоставление рассмотренных подходов позволяет сделать вывод о том, что современная теория литературы не располагает единой интерпретационной парадигмой, но выработала набор взаимодополняющих ориентиров, которые в совокупности способны обеспечить научную состоятельность толкования. Во-первых, интерпретация должна опираться на текст как на проверяемую данность: убедительным следует считать прочтение, которое объясняет наибольшее число элементов произведения и не вступает в противоречие с его структурой, что соответствует принципу «интенции текста». Во-вторых, она должна учитывать контекст возникновения произведения – историко-культурный, жанровый, биографический, – не сводя к нему, однако, смысл целиком, поскольку, как показала рецептивная эстетика, произведение живёт и в последующих эпохах. В-третьих, она должна быть рефлексивной, то есть эксплицировать собственные методологические основания и «горизонт» интерпретатора, на чём настаивает герменевтика. В-четвёртых, ценность интерпретации определяется её продуктивностью – способностью открывать в произведении то, что оставалось незамеченным, и вступать в диалог с другими прочтениями. Подобная совокупность критериев не гарантирует единственно верного

© 2026 London International Monthly Conference on Multidisciplinary Research and Innovation. All Rights Reserved.

результата, но позволяет отличить аргументированное толкование от произвольного, а потому сохраняет за литературоведением статус научной дисциплины [14].

Таким образом, проблема интерпретации художественного текста в современной теории литературы раскрывается как постоянное напряжение между тремя полюсами – автором, текстом и читателем, – каждый из которых в разные периоды объявлялся источником смысла. Эволюция от герменевтики понимания через структурализм и постструктурализм к рецептивной эстетике показывает, что ни один из этих полюсов не может быть абсолютизирован без ущерба для научности анализа. Наиболее перспективной представляется диалогическая и текстоцентрическая по своей опоре модель, в которой читатель активен, но ограничен структурой произведения, а множественность смыслов признаётся как свойство самой художественной словесности, а не как недостаток метода. Дальнейшее изучение проблемы связано с уточнением критериев валидности интерпретации и с разработкой процедур анализа, учитывающих специфику национальных литературных традиций.

Список литературы

1. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. – М.: Прогресс, 1988.
2. Рикёр П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. – М.: Канон-Пресс-Ц, 2002.
3. Wimsatt W. K., Beardsley M. C. The Intentional Fallacy // Wimsatt W. K. The Verbal Icon: Studies in the Meaning of Poetry. – Lexington: University of Kentucky Press, 1954. – P. 3–18.
4. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. – М.: Искусство, 1970.
5. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989.
6. Деррида Ж. О грамматологии. – М.: Ад Маргинем, 2000.
7. Яусс Х. Р. История литературы как провокация литературной науки // Новое литературное обозрение. – 1995. – № 12. – С. 34–84.
8. Iser W. The Act of Reading: A Theory of Aesthetic Response. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1978.
9. Эко У. Открытое произведение: Форма и неопределённость в современной поэтике. – СПб.: Симпозиум, 2004.
10. Eco U. Interpretation and Overinterpretation. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
11. Fish S. Is There a Text in This Class? The Authority of Interpretive Communities. – Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1980.
12. Sontag S. Against Interpretation and Other Essays. – New York: Farrar, Straus and Giroux, 1966.
13. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979.
14. Хализев В. Е. Теория литературы. – М.: Высшая школа, 1999.

© 2026 London International Monthly Conference on Multidisciplinary Research and Innovation. All Rights Reserved.